

15.11.02

Моск. правда. — 2002. — 15 нояб. — с. 14

«Бессмертный лебедь», покоривший Индию

Влияние русского классического балета на европейский общеизвестно. Об этом напоминает нам содержательная статья Изольды Журавлевой «Эпоха блистательных сезонов» («МП», 26 августа с. г.), посвященная дягилевским «Русским сезонам», от которых сходил с ума Париж в начале минувшего века. Но мало кто знает, какую благотворную роль в возрождении национального танца сыграл русский балет совсем в противоположной части света — в Индии.

В 1921 году в Индию приехала Анна Павлова. Дели, Бомбей, Калькутта, впервые увидевшие ее искусство, были потрясены. Газеты посвящали ей пышные рецензии: «Павлова — это облако, царящее над землей, Павлова — это пламя, вспыхивающее и затухающее, это осенний лист, гонимый порывом ледяного ветра...» Со своей стороны, великая балерина проявляла огромный интерес к индийскому искусству. Однажды она провела целую ночь возле знаменитого мавзолея Тадж Махал, любясь им при свете полной луны, пока не забрезжил рассвет. Позже она говорила, что впитала тогда сам дух Индии и что ей хотелось бы создать балет на индийские темы, воплотив в танце чувства, навеянные древними памятниками. Она неоднократно просила индийских друзей показать ей прославленных танцовщиц, но ее просьбы были тщетны. Национальные танцы исчезли из жизни, интеллигенция, увлеченная европейской культурой, просто забыла об их существовании.

Но Павлова никогда не отказывалась от своих замыслов. В 1928 году, вновь приехав в Индию и посетив пещерные храмы Аджанты и Эллары, славные древними скульптурами, она вновь загорелась мыслью поставить балет на индийские темы. И вспомнила об удивительном индийском юноше, встреченном ею в 1924 году в Лондоне. Его звали Удай Шанкар. Сын министра при дворе махараджи карликового княжества Джхалвадар, человек образованный, музыкант, певец, драматург, он учился в Королевской школе искусств и по просьбе отца поставил танцевальный номер на тему жизни императорского двора Великих Моголов, династии, правившей Индией до середины XIX века. Удай был художником декораций и исполнителем главной роли. Тогда-то и увидела его Павлова и была поражена пластикой и природным артистизмом юноши. Теперь, через четыре года, она предложила Удаю принять участие в осуществлении ее замысла, и он с радостью согласился. По иронии судьбы, спектакль, сыгравший судьбоносную роль в истории индийского балета, впервые был поставлен в Лондоне. Музыку к балету написала женщина — Камала Баннерджи, декорации и эскизы костюмов сделал Удай Шанкар, он же сыграл одну из главных ролей — бога-пастушка Кришны. Спектакль состоял из двух частей —

«Танец Радхи и Кришны» и «Индусская свадьба», объединенных названием «Восточные впечатления». Он был показан в Европе, США и Индии. Затем Павлова поставила еще один балет — «Фрески Аджанты». Свидетели говорят, что эти балеты были «удивительно близки духу Индии».

Время, проведенное в труппе Анны Павловой, стало для Удая незабываемой школой мастерства. Дружба с великой балериной, присутствие на репетициях и совместные с нею выступления, ее умение выразить средствами танца тончайшие движения души произвели на юношу неизгладимое впечатление, и он решил посвятить жизнь русскому классическому балету. Однако Павлова посоветовала ему искать собственный путь и создать группу индийского танца, незаслуженно забытого на родине. «Слова ее были для Удая равны шоку, — писал в воспоминаниях его брат, — но именно они заставили его начать борьбу за самого себя».

Вернувшись домой, Удай объехал всю страну, стремясь отыскать следы великого искусства. И на далеком юге, в крохотном храме он увидел танцы в стиле катхакали, сохранившиеся с древних времен. Многие месяцы он был учеником гуру Шанкарана Нам-

бутри, одного из последних мастеров, оставшихся в живых. А освоив премудрости древнего искусства, создал «Труппу индийского танца и музыки под руководством Удай Шанкара». В 1930–1940-х годах были поставлены спектакли на темы древнего эпоса, а позже — новой истории Индии, главным образом борьбы за освобождение от колониального рабства. Слава ансамбля росла, ему аплодировали многие столицы мира. Удай Шанкар умер в 1977 году, окруженный всеобщим почетом и уважением.

«Божественная Анна», как называли индийцы Анну Павлову, сыграла важную роль также в судьбе двух женщин, танцовщиц, чьи имена сегодня входят в сокровищницу современной индийской хореографии. Лейла Сокхей, известная под псевдонимом Менака, дочь брахмана,

41

талантливая скрипачка, тепло принятая в концертных залах Лондона, под влиянием ее искусства вернулась на родину и выбрала для себя нелегкую долю танцовщицы. С великой русской балериной ее связывала искренняя дружба. Павлова была для Менаки строгим наставником, добрым другом и примером служения искусству: «Она выражала любовь ко мне взглядом, жестом, словом: «Ищи, работай, твори, танцуй!» Менака свято следовала советам и многие годы посвятила в Лакнау овладению классическими стилями — катхаком, манипури и катхакали. Слава пришла к ней сразу и сопутствовала на протяжении всей жизни (она умерла в 1947 году). На одном из ее первых концертов присутствовала и горячо аплодировала боготворимая ею Анна Павлова.

Одновременно с Менакой на юге страны, в Мадрасе, появилась еще одна талантливая танцовщица — Рукмини Деви. Ее деятельность была связана с классическим стилем бхарат-натьям, самым древним из образцов классической хореографии. Под впечатлением искусства Анны Павловой Рукмини терпеливо проводила многие часы у станка. Заветной мечтой ее было исполнить «Умиряющего лебедя», нареченного в Индии «Бессмертным лебедем». Она добилась своего, станцевав его в имени Адьяр, недалеко от Мадраса, в штаб-квартире теософов, где жила, работала и умерла еще одна русская знаменитая женщина — Елена Блаватская... Но настоящая слава пришла к Рукмини Деви позже, в середине 1930-х годов, когда она показала избранной публике, возродив из небытия, нечто до того времени неприличное и недостойное для порядочной женщины — танец храмовых куртизанок Даси Аттам. Вспоминает Рам Гопал, известный хореограф и танцовщик: «Это был уже не прежний откровенно чувственный танец куртизанок. Зрителям явилась прелестная женщина, одетая в белый с золотом наряд, волосы ее были увиты душистыми цветами. Ее руки и огромные глаза рассказывали историю любви Кришны и Радхи, Шивы и Парвати. Мадрас обезумел, концертные залы, где выступала Рукмини, были переполнены. Я спросил себя: почему она выбрала костюм белого цвета? И мне сразу же пришло в голову, что она это сделала в знак преклонения перед трепещущим в предсмертной агонии белоснежным лебедем — «Бессмертным лебедем» Анны Павловой!»

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимках: Удай и Камала в танце «Шива и Парвати»; Менака; Танец в стиле бхарат-натьям (исполняет современный хореограф Падма Субраманиам).